

России пора распрощаться с Внешним управляющим

К повестке дня второго срока Президента России

Пророчество о Думе. - Кричат мне с Сеира: сторож! сколько ночи? сторож! сколько ночи?
Сторож отвечает: приближается утро, но ещё ночь.
Ис. 21:11-12

Владимир Путин – дай ему Бог здоровья, конечно, - уже выиграл очередные президентские выборы. Но чем обернется для страны эта заблаговременная победа, пока неясно.

Повестка дня второго срока правления Путина стала ныне предметом ожесточенных дискуссий политиков и экспертов. Дискуссии эти пока вызывают не столько прилив энтузиазма, сколько легкое замешательство, переходящее в раздражённое разочарование. Участники полемики о президентской повестке исходят из нескольких допущений, которые автору этих заметок кажутся излишне рискованными, как-то:

- Россия переживает этап стабильного развития, что позволяет нам строить планы на 10-15 долгих лет, отталкиваясь от политической реальности прекрасного новогоднего мгновения - 2004;

на протяжении 90-х годов РФ шла путем демократии и либеральных реформ, и с этого пути страна не сойдет; перерождаясь в горниле рыночной реформации, русский человек становится примерным воспитанником пансиона протестантской этики и все более измеряет свою жизнь в условных единицах, предпочитая их любым безусловным;

- путинское конституционное большинство в Государственной Думе и безоговорочная победа в первом туре президентских выборов позволяют главе государства проводить любую политику, которую он считает нужным – невзирая ни на кого и на что;

Путин, хоть и плохой демократ, и холодный рыбоглазый чекист по происхождению, обязан обеспечить окончательный либеральный прорыв, используя свою исключительную популярность и практически ничем / никем не ограниченные полномочия;

мы живем в мире, где со дня на день ожидается либеральный «конец истории» (по Фрэнсису Фукуяме), и всё сущее должно анализироваться с позиций неотвратимого глобального триумфа «западных» (в американской транскрипции) ценностей; только адепты либерализма и «Запада» (что суть практически одно и то же) будут своевременно восхищены на небеса- и смогут потому избежать страшных вселенских катаклизмов.

Следуя этим посылкам, почтенная публика выстраивает и сам контекст обсуждения. На пресловутой повестке монаршего дня оказываются забавные прикладные вопросы, например: с какой скоростью должна двигаться Ахиллес-Россия, чтобы догнать Португалию-Черепашу; перейдут ли за 5 лет коровники на бухгалтерскую отчетность по стандартам GAAP; наконец, сможет ли пореформенный монтер Мечников уже в 2007 году взять ипотечный кредит на покупку коттеджа в Кавказских Минеральных водах. Во главу угла ставится экономический рост при том, что цели и подлинное содержание этого роста не определены, да и, похоже, нынешняя политико-интеллектуальная элита от формулирования целей хотела бы вовсе уклониться. (На поверку может оказаться, что рост сведётся к увеличению капитализации нескольких десятков акционерных обществ, подконтрольных оффшорным компаниям). К национальной повестке дня почему-то все время пытаются отнести вопрос «что будет с СПС и «Яблоком»?» - партиями, разгромленными наголову на недавних выборах (при этом судьба, например, КПРФ, получившей на тех же выборах намного больше голосов, чем СПС и «Яблоко» вместе взятые, почему-то никого не занимает).

В процессе такого обсуждения повестки рождаются странные ассоциации: то с призывами к XXVII съезду КПСС (в тех призывах тоже был сырой запах картонной недостоверной вечности), то с обещаниями сверхдержавного агрария М. С. Горбачёва к 2000 году дать каждому советскому человеку отдельную квартиру или дом. Вспомним, что и XXVII съезд незыблемой КПСС оказался, вопреки кремлевской футурологии, предпоследним, и Горбачёв на рубеже тысячелетий уже не благодетельствовал 250-миллионному народу своему, а всего лишь рекламировал дешёвую пиццу, да ещё был волком в детской музыкальной сказке.

Рассмотрим простую задачу для 5-го класса общеобразовательной школы. Вы – единоличный владелец самолёта, совершающего нерегулярный рейс по маршруту Вашингтон-Пекин. Экипаж состоит из стопроцентно Ваших, преданных вам до гроба людей. Над Тихим океаном у самолёта отказали два двигателя из четырёх. Керосина почти не осталось, но все близлежащие аэропорты отказывают в посадке. Спасут ли Вас право собственности на воздушное судно и беззаветная личная преданность команды?

Что значат безразмерные путинские права перед лицом неумолимой Истории, страшных движений Земной Коры, кои не предотвратит и не сгладит ни одно МЧС?

Чтобы формировать повестку дня российского правителя, необходимо отринуть застойную логику и приблизиться к пониманию других – подземных и подводных, сокровенных – предпосылок нашего национального существования и развития. Второй срок Путина – это не просто очередные четыре года очередного избранного президента. Это годы определения участи огромного бездомного куска суши, на котором когда-то располагалась – и, может быть, куда еще вернется – Империя. Отталкиваясь от Фридриха Ницше, можно сказать, что для обозначения повестки дня потребно не теоретическое, но трагическое мирозерцание. Ничто банальное, ничто мелкобуржуазное не может доминировать в этой повестке. «... мне нужна будет лира, но Софокла уже, не Шекспира, на пороге стоит – Судьба». Страна вошла в особый период, который мы назовём постновойшей историей. Период ответа на главный гамлетовский вопрос. Потому и Второй Срок будет поименован со страхом и уважением (не к нему, но к его пока не известным нам результатам и следствиям) – с заглавных букв.

Каковы же основные предпосылки Второго Срока? Их можно выделить шесть.

Во-первых, России как полноценного субъекта политики, носителя суверенной воли уже – и пока что – не существует. На протяжении минувших 12 лет территория, обозначаемая на политической карте мира как «Российская Федерация», находилась под внешним управлением. Целью внешнего управления было полное удовлетворение стратегических требований «кредиторов» – США и транснациональных корпораций. Одним из результатов подобного режима управления явилась десаκραлизация российского государства, и, как следствие, фантомизация его основополагающих атрибутов – от гимна, слов которого так никто и не знает, до Вооруженных сил, превратившихся в миллионную банду непонятно чьих бесплатных наёмников.

Во-вторых, до сих пор не сформирована российская нация как народ, связуемый воедино судьбой и общим кругом врагов (определения Отто Бауэра и Теодора Герцля неоднократно приводились прежде, и потому повторять их не будем). Осколок постсоветского народа, населяющий территорию РФ, – это уже не нация и ещё не нация. Очертания нации либо проявятся на протяжении Второго Срока, либо навсегда исчезнут в глобальном тумане – ибо запас исторического времени исчерпан.

В-третьих, презюмируемая и превозносимая многими наблюдателями стабильность России абсолютно иллюзорна. И не только в силу того, что добровольно признавшее себя неисцелимым банкротом предприятие, управляемое в интересах внешнего субъекта, может быть по-настоящему стабильным лишь в реализуемой воле к гибели. Изношена национальная инфраструктура, которая не модернизировалась последние полвека. Интерференция на максимум локальных инфраструктурных кризисов в любой момент может привести к самым тяжким последствиям в масштабах страны. Наконец, – главное – Россия переживает период тяжелой национальной депрессии, вызванной, не в последнюю очередь, кризисом самоидентификации, а депрессия и стабильное развитие – вещи несовместные. Депрессия может привести к запое или самоубийству, но едва ли хороша как форма поддержания размеренного и поступательного мирного существования.

В-четвёртых, за минувшие 12 лет разрушены религиозные основания бытия русского народа и, соответственно, национального единства. Вероучение элиты девяностых годов – смесь культа Молоха и позитивного социал-дарвинизма – не было воспринято русским пространством. Впрочем, вероучение это обслуживало и обслуживает интересы внешнего управления (кредиторов), а потому никогда и не претендовало на роль фактора национальной мобилизации.

В-пятых, – и надо это признать со всей моментальной смелостью, – русский либеральный проект 90-х годов XX

века потерпел крах. Здесь я сделал бы акцент на сочетании «русский – либеральный – 90-е годы», ибо говорить о всемирном крахе либерализма, конечно же, не приходится. Впрочем, как и о его всеобщем триумфе.

В-шестых, Россия, несмотря на слабость и расплывчатость ее национального образа, остаётся участником мировой политики, где в последние годы зреют роковые перемены, набирают силу поистине тектонические процессы. И никакая стратегия развития страны не может быть выстроена, если от этих процессов абстрагироваться. Интересно, каково будет второму президенту РФ ощутить себя между молотом Америки и наковальней Китая, особенно в преддверии момента истины, главного события мировой демократии, - выборов президента США (ноябрь 2004).

Эти шесть предпосылок придают второму сроку Владимира Путина совершенно иное, катастрофическое содержание. 2004-2008 годы не станут для властителя РФ, несмотря на его беспрецедентную популярность, увеселительной прогулкой. Путин сталкивается с концентрированным вызовом истории, и в этом смысле уже 2004-й может явиться для президента годом трагического выбора.

Отсюда – и повестка дня, которую, быть может, уместнее назвать повесткой бессонной ночи, которую мучительно проживает страна. Обессиленная, он стоит на коленях, на разгромленном муравейнике. Она нервно курит, под глазами у нее пухнут сине-чёрные мешки, но когда и откуда придёт рассвет, страна не знает - потому что нет у неё ни компаса, ни часов. Что делать – подчиниться страху перед демонами ночи и умереть или найти в себе силы, преодолев inferнальные шумы и шорохи, усталость и бред, двинуться к рассвету на ощупь?

Сумрак исторической ночи наставлен на лидера тысячью тысяч воспалённых зрачков. В этой ночи повестка бытия и действия лидера определяется перефразированной кантианской тетрадой: что я могу знать? что я должен делать? на что я могу надеяться? что такое Россия?

Последний вопрос – самый сложный. Но к нему, в конечном счёте, всё и сводится. И ответить на него придётся в первую очередь.

Внешнее управление. Сделка тысячелетия

Серебро твоё да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги.
Деян. 8:20

- Ведь эдакая подлость, - ворчал следовательно.

- Не то, что цивилизации и гуманности, даже климата порядочного нет. Страна, нечего сказать!
А. П. Чехов

Внешнее управление в России – расплата (отчасти закономерная) за поражение её правопредшественника, СССР, в холодной войне. При этом мы исходим из понимания, что капитуляция Советского Союза была де-факто признана ещё в 1989 году, когда Горбачёв согласился на бесплатную сдачу ГДР и ликвидацию Западной группы войск – последующие 2 года существования бывшей империи были уже жизнью после смерти. (Замечу, не случайно именно в 1989-91 гг. СССР лихорадочно бросился в омут внешних заимствований – Америка понимала, что податливость разгромленного врага усугубляется суммой его долгов).

Победитель – Соединенные Штаты – в конце 80-х годов здраво рассудил, что другого столь же благоприятного шанса избавиться от стратегического евразийского соперника может и не представиться. При этом формальная ликвидация СССР вовсе не была для Вашингтона императивом - республиканская администрация того времени в целом понимала, что неуправляемые локальные конфликты на постсоветском пространстве могут оказаться куда хуже безнадежно одряхлевшего и утратившего волю к жизни гиганта. Важно было навсегда подчинить сдавшегося врага американской системе глобальных целей. А для этого – предложить русскому религиозному сознанию вместо языческого культа коммунизма новый источник благодати, святости и чистоты. Религию демократии.

[Замечу мимоходом: те, кто сегодня уподобляют победительную кремлёвскую «Единую Россию» Коммунистической партии Советского Союза, упускают из вида главную особенность КПСС: «руководящая и направляющая» была, разумеется, никакой не партией, но и не ассоциацией ненавидящих друг друга бюрократов, как «ЕдРо»; КПСС играла роль языческой церкви, и основы ее жизнедеятельности были сакральными. Так, эксплуатируя фундаментальные аспекты русского двоеверия, «Партия» цементировала страну. Потому десакрализация коммунизма / В. И. Ленина и привели к стремительному краху КПСС. В этом смысле доктрина «мягкой горбачевской перестройки» была заведомо неосуществимой: не может церковь

существовать без религии. У сегодняшнего же «ЕдРа» нет никакой трансцендентной основы, и потому цементировать эта квазипартия ничего не может – сама держится лишь стойкостью физического лица В. В. Путина, русского, беспартийного, 1952 г.р.].

Советский народ устремился к демократии не потому, что понял её преимущества как метода формирования властных институтов или спинным мозгом ощутил привлекательность издревле чуждых ему либеральных ценностей. На рубеже 80-х-90-х годов XX века демократия воспринималась и как чудо, и как мессия: вот грядёт она, в сиянии тысячелетней славы своей, и обретём мы последнюю, истинную посюстороннюю свободу, доселе представимую лишь за гранью материального мира. Свободу, подкрепленную выдаваемым по первому требованию свежим и жирным куском любительской колбасы. Ни грана протестанского миропонимания не было в этом ожидании пришествия нового спасителя - деперсонифицированной субстанции, известной под именем демократии. При этом – здесь американцы продемонстрировали свое исключительное владение предметом – сама священная неведомая демократия стала синонимом «американской модели развития» и более того – американской азбуки жизни. Где вывеска McDonald's – там и демократия. И нет и не может быть пятен на американском солнце, мириадами невесомых лучей освещающих народу 1/6 суши путь к чудесному избавлению, исцелению от семидесятилетней коммунистической болезни. За Ельцина голосовали как за лидера, способного быстренько повернуть это самое чудо демократии на русской почве. Ельцин, надо сказать, не подвёл.

США согласились на роспуск СССР при условии, что Россия как номинальный правопреемник сверхдержавы признает свою историческую несостоятельность и согласится с передачей механизма принятия стратегических решений Комитету Кредиторов (КК). КК, в свою очередь, нуждался в полностью лояльном Внешнем Управляющем (ВУ), который руководил бы Россией в стратегических интересах Вашингтона. Таким коллективным Внешним Управляющим стала наша элита девяностых годов – совместное предприятие Б. Н. Ельцина и американской администрации (с контрольным пакетом у последней). Условием приема на работу в это СП был утвердительный ответ на три жизненно важных вопроса:

1. Считаешь ли ты США единственным и непреходящим центром формирования ценностей мира сего?
2. Веришь ли ты в то, что Россия должна подчиниться американским ценностям и стать сателлитом США?
3. Готов ли ты пойти на всё во имя утверждения американских ценностей и режима внешнего управления в твоей стране?

Был определен и гонорар за Внешнее Управление – легализация собственности ВУ на Западе и право безмятежно существовать в «цивилизованном мире» после окончания службы. Потому и нет сегодня ничего более ужасного для элиты девяностых, чем перспектива ареста счетов или в американских (британских, швейцарских) банках или каких-нибудь других сладостных и почётных активов за пределами России. На объекте Внешнего Управления можно, конечно, вытворять всё что угодно, - главное хранить благопристойность / корректность перед лицом Комитета Кредиторов, высшей и последней инстанции блага и справедливости.

Собственно, и неизбывный сырьевой характер российской экономики, критикуемый на сегодняшний день многими представителями политико-экспертного бомонда, не есть результат чьей-то персональной недобросовестности или низкого олигархо-бюрократического коварства, но – прямое следствие философии Внешнего Управления. Комитет Кредиторов постановил, что Россия должна играть роль стабильного поставщика энергоносителей – альтернативы странам ОПЕК, которые, с точки зрения КК, в последние годы не всегда ведут себя хорошо. Все технологические ресурсы, которые необходимы и достаточны для выполнения этой единственной функции, будут предоставлены России американским начальством. Потому ни ВПК, ни машиностроение в целом, ни фундаментальная наука нашей стране абсолютно не нужны, больше того – вредны. Собственно, самые смелые из теоретиков ВУ и на публике ничего не скрывают: тот же кремлёвский помощник по экономике Андрей Илларионов неоднократно говорил, что ни в коем разе нельзя стимулировать менее эффективные отрасли (машиностроение, включая ВПК) за счёт более эффективных (нефтянки). Иначе священный экономический рост не заладится. Таким макаром Илларионов, сам, возможно, того не желая, раскрыл тайное направление доктрины этого экономического роста: укрепление благосостояния владельцев сырьевых корпораций любыми возможными способами.

Правда, «чудо демократии» обесценилось уже к 1993 году, когда стало ясно, что новый режим отнюдь не принёс российскому народу бесплатного и бессрочного счастья. Религия американских ценностей быстро и жестоко разочаровала дорогих россиян, но внешнее управление сохранилось, - и сохраняется до сих пор. Поскольку для большей части политико-экономической элиты линия Вашингтона по-прежнему остается

главным источником мудрости и критерием истины. Не случайно действующая элита во всех спорных внутривнутриполитических ситуациях апеллирует именно к американским властям. И пытается преподнести смущённому народу в качестве нравственных авторитетов и грозных судий многоуважаемых товарищей Ричарда Пёрла, Джона Маккейна и Джо Либермана (а то и безвестного адвоката с лицом, вполне уместным на Brighton Beach, и фривольной фамилией Амстердам). Фундаментальные расхождения в позициях элиты девяностых и президента Путина стали очевидны минувшей весной – к началу победоносной иракской кампании Джорджа Буша-младшего. Тогда доморощенные идеологи девяностых заявили, что отказ от поддержки американской интервенции – роковая ошибка, ибо страна (читай: сырьевые корпорации, возникшие в результате приватизации 90-х годов) потеряла на этом несколько миллиардов долларов. Признаюсь, подобная риторика напомнила мне бородатый анекдот про старого еврея – депутата кнессета, внесшего предложение об объявлении Израилем войны одновременно США и СССР: еврейское государство, конечно же, быстро проиграет войну, после чего победители, чтобы не ударить в грязь лицом, будут соревноваться между собою в заботе о жителях покоренной страны. Правда, в финале анекдота кнессет отверг предложение старика, так как испугался, что Израиль выиграет войну у сверхдержав. Российская элита, конечно, на аналогичный вариант не рассчитывает: любой не согласованный с США успех России, даже самый скромный, повергает ВУ в ужас, ибо ставит под сомнение концептуальные основы внешнего управления.

Самый яркий (хотя и доселе публично не обсуждавшийся) акт отречения элиты девяностых годов от России был зафиксирован весной 2003 года в Вашингтоне. В беседе с одним из высокопоставленных представителей администрации США знаменосец этой элиты бизнесмен Михаил Ходорковский прямо заявил, что, придя к формальной политической власти, он (его клан) пойдёт на полное ядерное разоружение России. Поскольку доктрина ядерного сдерживания себя исчерпала, уступив место идеологии денежного сдерживания. Отчасти согласимся с хозяином ЮКОСа: ядерное оружие имеет смысл только тогда, когда в государстве есть некто, способный отдать приказ о его применении. И – группа граждан, уверенных в необходимости беспрекословного исполнения такого приказа. Приказ же подобного сорта может отдать лишь человек, готовый умереть за Родину, – как бы высокопарно это ни звучало. Иначе нет смысла «подставлять» себя и близких. Ясно, что в элите Внешнего Управления никак нет лидеров, которые рискнули бы своими интересами на Западе, тем более – здоровьем и жизнью ради аморфного существа под названием «Россия». Так что полное разоружение явилось бы логичным финалом ВУ. И одновременно – источником гигантского даже по российским олигархическим меркам заработка. По замыслу Ходорковского и Ко, программа утилизации нашего ядерного арсенала (включая переработку оружейного плутония) потянула бы на \$50-60 млрд. Кроме того, акционеры ЮКОСа рассчитывали получить не менее \$100 млрд. (в денежной и неденежной формах) за организационные хлопоты, всенародную пропагандистскую кампанию и, наконец, само символически важное действие – подтверждение неизбежности конца истории по-вашингтонски. \$160 млрд. – сделка тысячелетия! (Америка, к сожалению, поспешила заложить Ходорковского Путину: проект русского нефтяника N 1 показался ей не в меру авантурным).

Отказавшись утруждать себя поиском ответов на извечные русские вопросы, элита 90-х сознательно пошла на создание пропасти между собою и 99% населения России. Пропасти, которая периодически заполняется трупами. И эти трупы, в отличие от немногочисленных бизнес-узников элитных СИЗО, никто прилюдно не оплакивает. И братские могилы не поливает дорогим коньяком.

Итак, важнейшая задача второго срока Путина – прекращение внешнего управления, периода гетерономного существования страны. Россия должна обрести свою национально-государственную субъектность и, как следствие, те самые национальные интересы. Восстановление субъектности, в свою очередь, невозможно без возвращения к основополагающим историческим и духовным ценностям России, вытесненным и придавленным девяностыми годами, Комитетом Кредиторов и Внешним Управляющим. Мы должны постановить и понять, что центр принятия решений о судьбах России находится в самой России – и нигде больше. Это страшное постановление, потому что оно предполагает совершенно новый уровень ответственности за самих себя, которой нет и не могло быть в знойных тропических кущах американского проекта. Ответственности, которая, по сути дела, и есть власть - и право обладать властью.

В 2004-2008 должны быть заложены основы российской нации. У этой нации есть единая судьба – имперская. И есть общие враги (о которых мы говорим ниже). Главное орудие формирования нации – национальный проект, концептуальные и технологические основы которого будут сформулированы в предстоящие четыре года – или же никогда.

Выйти из режима внешнего управления страна не сможет, не распрощавшись с внешним управляющим – элиты девяностых годов. Поскольку эта элита не считает сохранение России как единой этнокультурной и геостратегической сущности самоценным. Страна для неё – лишь набор материальных ресурсов,

эксплуатируемых с той или иной коммерческой эффективностью. Подобно «призракам рынка» (по Фрэнсису Бэкону, это общепринятые заблуждения, порождаемые воздействием языковых штампов на человеческое сознание) и «призракам пещеры» (заблуждения, порождаемые узостью, «теснотой» мышления), носители философии девяностых будут стоять на пути у любой попытки национально ориентированной реформации. Посему смена элит – ключевая задача верховной власти. Хотя бы уже потому, что старая элита никогда не возьмет на себя финальную ответственность – ту, от которой счастливо и, казалось, навсегда избавил её всемогущий Комитет Кредиторов.

Важнейший подвопрос ключевого вопроса национальной повестки дня – изменение самого механизма формирования элиты. Необходимо прийти к меритократической модели, отторгнутой Внешним Управляющим. Элита девяностых была сформирована в тисках примитивной американоцентричной идеологии, помноженной на ценности социал-дарвинистского естественного отбора, который, как известно, всегда приводит к умножению серости и подавлению всей и всяческой индивидуальности (на фоне расцвета индивидуализма). Эта элита не может существовать без идеологической цензуры, без монополизации средств массовых коммуникаций – в противном случае её интеллектуальная конкурентоспособность сразу оказывается под сомнением. Открыть шлюзы вертикальной мобильности – это значит и признать необходимость цветущей сложности России как предпосылки формирования её новой элиты. Человеческий материал для этого в стране имеется – несмотря на все селекционные усилия системообразующих людей и структур уходящей (уходящей ли?) эпохи.

Если Путин проиграет элитам девяностых годов, последний исторический шанс восстановления России будет упущен. И всякое долгосрочное политическое планирование в стране потеряет смысл.

Разбудить дремлющие силы российского народа, преодолеть его разрозненность и сплотить во имя реализации национального проекта – центральный вопрос повестки дня второго срока нынешнего президента страны.

Революция языка. Прорыв в реальность

Следующий важный вопрос повестки дня – ревизия тезиса о преемственности путинской политики по отношению к ельцинской.

Будучи официальным преемником первого [демократически избранного] президента России, Владимир Путин де-факто пришел к власти как лидер оппозиции Ельцину. Как правитель, которого большая часть его электората считала способным подвести черту под ельцинской эпохой и возродить ценности, преданные забвению в период Внешнего Управления. В первую голову – ценности Империи и ценности солидарности. Именно за такого лидера голосовал народ и в 1999, и в 2000, и в 2003 гг. Правда, на протяжении своего первого срока Путин, главным образом, продолжал линию своего предшественника и играл навязанную ему элитой 90-х роль гаранта результатов приватизации, лишь в предвыборный год обозначив (на уровне доступных русскому коллективному бессознательному сигналов) радикальный поворот. Знак, поданный Путиным изверившейся нации, и привёл к оглушительной победе на думских выборах «партии русского реванша», состоящей из трех субъектов – «Единой России», ЛДПР и «Родины».

Ревизия идеи преемственности отнюдь не означает отказа от всех результатов вестернизации России, которая, кстати, началась не в 1985 и не в 1989 годах, а на три столетия раньше. Но такая ревизия требует кардинальных перемен в политико-государственной философии страны – своего рода революции верхов.

Необходимо учитывать, что Россия исторически не привычна к эволюционным изменениям. Все успешные (с точки зрения минимального расхождения между подлинными целями и фактическими результатами) реформы – и петровские, и сталинские, и ельцинские - в нашей стране были радикальными, революционными по духу.

Революционным обречён стать и Второй Срок. Смысл революции явится прямым результатом того трагического выбора, которому отведён первый год последнего путинского срока – 2004-й.

Проблема трагического выбора связана, не в последнюю очередь, с языком девяностых годов, которым политики и эксперты все еще пытаются описать нулевой этап постновейшей истории. Однако язык этот – мёртв. Только отказ от него, революция языка позволит сказать что-то внятное о модели и структуре нового путинского правления.

Язык девяностых имманентен политической гиперреальности, сложившейся в России на протяжении периода внешнего управления. Язык - управитель гиперреальности, в которой нет ничего подлинного, ничего достоверного, ничего, кроме не ощутимых и не отдельных на вкус, запах и цвет знаков и символов. Плоть

политики уступила место её тотальной симуляции.

Если среднестатистического российского политика наших дней прижать к стене в тёмном переулке и предложить ему жесткий выбор: назвать свои настоящие убеждения или расстаться с жизнью, - что ответит такой политик? Не возопит ли он, что несть у него убеждений, кроме готовности за деньги, страх и (иногда) совесть выполнять поручения генерального спонсора? Что век идеологии прошёл и никогда больше не вернётся? Будет ли под ножом ночного грабителя, на самой кромке гиперреальности отличаться активист КПРФ от завязатого СПСника? идеолог «Родины» от казначея «Яблока»?

Провозвестником гиперреальности девяностых был гениальный Жириновский – самый чуткий из наших политиков первого эшелона. (Эта чуткость и позволила ему остаться на гребне волны в безвыигрышной, казалось бы, ситуации). Это он назвал свою партию либерально-демократической и провозгласил от её имени ярко антилиберальную шовинистическую программу. Это он демонстративно менял и меняет взгляды на кардинальные сюжеты политики и истории два раза в день. Это Жириновский открыто дал понять, что видел предвыборные обещания исключительно в цинковом гробу. Это он, заявив об «обновлении партии» (и опять ведь как никто слышит музыку революции, мерзавец!), выдвинул в президенты своего охранника. Жириновский прямо декларирует: приняв правила симулятивной игры, надо понимать и использовать их до конца. Только тогда – победа! Всякое половинчатое – неэффективно или, по меньшей мере, недолговечно. Чубайс, Явлинский и Зюганов делают то же самое, что лидер ЛДПР, только твёрдости и таланта у них не хватает. Потому-то электорат поймал их за руку и указал на дверь.

Гиперреальность, как ей и положено, подразумевает прекращение прямой коммуникации между элитами и страной, а также между различными сегментами народа России и подмену её эксклюзивными возможностями всемогущих СМИ, в первую голову, - телевидением. Что показано по телевизору (во всяком случае, на первых четырёх метровых каналах), - то и есть страна. В языке этой страны – том самом языке 90-х – царят вязкие словосочетания типа «удвоение ВВП», «эффективный менеджмент» и «рост капитализации». Для элиты эти слова, кажется, что-то означают и чего-то стоят – в миллиардах долларов США. Для народа они лишены смысла и лишь маркируют границы пропасти, отделяющей страну от элит. Увидишь знак «Эффективный менеджмент» - остановись, а то упадёшь в бездну!

Вся элита девяностых держится на этом специальном языке, в котором термины потеряли изначальное содержание. Вот они говорят – «демократия». А я берусь утверждать, что Путин – гораздо больший демократ, чем Ельцин вкупе с Чубайсом и Немцовым. Потому что путинские выборы-2003 куда лучше отразили волю народа, чем, например, ельцино-чубайсовские - 1996 года. Дорогим россиянам дали-таки возможность проголосовать за того, кого они хотели. Скажите, а на каких выборах вброс бюллетеней был масштабнее, как Вам видится, - в 1996 или в 2003 году? Мне почему-то сдаётся, что тогда, семь с половиной лет назад. И не кажется ли вам, что первый тур тех самых выборов-96 выиграл всё же Геннадий Зюганов, а не Борис Ельцин? Где же тут демократия, уважаемые коллеги?

А вот они говорят – «свобода слова». Я и здесь утверждаю, что при Путине - *horribile dictu!* - свободы слова стало больше, чем при его предшественнике. Ибо только сейчас стало возможным обсуждать публично судьбы русской нации и Российской Империи, что в ельцинскую эпоху считалось опасно неприличным и абсолютно маргинальным. Лишь недавно доступ к средствам массовой информации получили носители идей, оппозиционных режиму Внешнего Управления – на протяжении 1991-2002 гг. этих людей как будто и вовсе не существовало, ибо пропуск на информационное поле у них грубо и безвозвратно отобрали.

Приходится признать, что «демократия», «гражданские свободы», «гражданское общество», «права человека» в русском языке девяностых годов означают нечто совсем иное.

А именно:

- демократия – набор мер, необходимых для легитимации режима Внешнего Управления в России; такая демократия отнюдь не исключает откровенно незаконных (как силовых, так и мошеннических) действий самого разного рода в ситуациях, когда «внешнее управление» оказывается в опасности;

- гражданские свободы - набор инструментов, позволяющих обеспечить тотальное доминирование сторонников Внешнего Управления, а значит – американского взгляда на жизнь в публичных структурах и информационном пространстве России;

- гражданское общество – совокупность институтов, с помощью которых Внешний Управляющий проводит разъяснительную работу с населением (быдлом) и зачистку политико-информационного поля от инородных

элементов;

- права человека – два фундаментальных права физического лица, живущего по законам Внешнего Управления: 1) право выбора между интеграцией в американскую систему ценностей и смертью; 2) право купить за деньги (при их наличии) всё, что угодно (даже то, что не продаётся).

Рассуждение о «демократии и свободе» в исполнении типового представителя элиты девяностых имеет не больше отношения к либеральным ценностям, чем В. И. Ленин – к освобождению рабочего класса, а И. В. Сталин – к созданию «высшей формы демократии» (каковой, по БСЭ, был советский социалистический строй). Потому разговор о «кризисе либерализма» (или даже «трагедии либерализма») в современной России, увы, не слишком уместен с точки зрения реальной реальности. То, что до сих пор именовалось у нас либерализмом, было на самом деле реализацией концентрированной воли Америки в отношении России. Захотела бы Америка возродить на нашей территории концлагеря – и оплотом либерализма / демократии / гражданских свобод элита 90-х провозгласила бы модернизированный по последнему слову техники всенепременный ГУЛАГ.

Сейчас налицо кризис американской экспансии, интервенции американских ценностей, а вовсе не либеральной доктрины. Крах смысловой базы режима Внешнего Управления. По сути, в России 2003-2004 гг. происходит то же, что в Афганистане и Ираке, – только в других формах. Американское нашествие столкнулось с жестким барьером национальной ментальности, культуры, национального сознательного и бессознательного – и посаженное Вашингтоном временное правительство (в этом плане наша элита девяностых – добротный аналог какого-нибудь Хамида Карзая) уже не в состоянии удержать ситуацию под контролем. Но ни демократия, ни гражданское общество здесь вовсе ни при чём. Хотя бы потому, что эти сущности в их первозданной чувственной свежести всегда были ненавистны Внешнему Управляющему. Вспомним древнекитайское изречение, приписываемое Конфуцию: «Когда слова утрачивают своё значение, народ теряет свободу».

Исайя Берлин (ахматовский Гость из будущего) относил к фундаментальным ценностям либерализма искренность и компромисс. Не надо тратить годы на глубокие исследования, чтобы прийти к выводу, что оба эти понятия российской элите девяностых абсолютно чужды. Любое однослойное, лишённое постмодернистского привкуса высказывание воспринимается этой элитой как эзотерическая угроза, носитель страшного подвоха. (Он говорит об интересах государства – кто за ним стоит и что на самом деле имеется в виду?). Ещё менее, чем к искренности, Внешний Управляющий готов к компромиссу: его задача – всеми имеющимися в наличии бульдозерами / БТРами раздавить несогласных и принудительно маргинализировать их (Иначе завтра будет поздно! – любимый аргумент ВУ).

Чтобы перевернуть страницу российской истории, на которой идет речь о несуществовании России, Путину придется расстаться с языком девяностых. И отказаться от взаимодействия с политической гиперреальностью, в которой существуют, изображая жизнь и действие, одни лишь фантомы – порождения политических технологий, которые служители культа Молоха считают всесильными.

Необходимо осознать, что в пустынном русском Зазкране (территории, не влезающей в телевизионный кадр) сотни тысяч людей взаправду живут лютой зимой без тепла и даже воды. Провинциальные учителя и врачи по-настоящему получают полторы – две тысячи рублей в месяц (цена хорошей порции мраморного мяса в столичном японском ресторане). Две трети (65%) населения прозябают за чертой бедности, а 27% (больше четверти) жителей России зарабатывают ежемесячно менее тысячи руб. (\$35) и находятся, согласно терминологии Международной организации труда, за «чертой нищеты». В реальной реальности по-прежнему разлагается (а вовсе не бодро реформируется на марше) голодная неприкаянная армия. А количество иммигрантов китайского происхождения составляет не 35 000 человек, как учит нас Всероссийская перепись населения (ещё один блестящий элемент гиперреальности), а – миллионы.

Первый шаг к реальному, шаг одновременно вперёд и назад будет для Путина самым трудным. Лидеру придётся расстаться с миром компьютерной игры, которую можно в момент любой нестыковки приостановить, а то и вовсе нажать спасительную клавишу Escape. (Только вопрос Do You want to save Your game? саркастичная История никогда не задаст. Увы, нельзя выйти попить кофейку и после вернуться на то же историческое место).

Первое столкновение с реальной реальностью – почти всегда трагедия. Познание глубинной правды. В этом смысле Путину суждено прожить участь Гамлета и ужаснуться этой участи. Миссии лидера, оставленного один на один со страной.

Но как бы ни было сложно, пора признать: псевдополитические структуры, единственным ресурсом которых является административно-финансовая поддержка со стороны Кремля (или олигархов), то есть субъекты гиперреальности, с комплексом реальных проблем страны взаимодействовать не могут. Поскольку фактически они никого, кроме своих собственных кремлевских (или антикремлевских) архитекторов, не представляют.

Как хорошо известно из опыта мировой истории, там, где системные государственно-политические институты теряют авторитет и перестают действовать, где легальные партии не выражают более интересов избирателей, расцветает прямое действие. Народ использует последние оставшиеся в его распоряжении инструменты – от забастовок до погромов – чтобы как-то напомнить элите о своем существовании. И здесь не стоит уповать на национальную депрессию – депрессия отнюдь не исключает неконтролируемых разрушительных всплесков, напротив, на определённой стадии своего развития порождает их.

Не случайно как раз в 2003 году профсоюзный вождь «Норильского никеля» Валерий Мельников, не располагая ни деньгами, ни собственными СМИ, бросив вызов политическому постмодернизму, сокрушил в неравной борьбе олигархического гиганта и стал мэром заповедного Норильска. Он выступил едва ли ни единственным представителем реальной реальности и, тем самым, полноценным представителем оппозиции мертвечине гиперреального. Он напомнил стране, что всплеск радикального рабочего движения в ближайшие годы неизбежен – и это движение может оказаться безукоризненно (по меркам постновой истории) честным, а потому недвусмысленно жестоким.

Расцвет терроризма - ещё одно порождение гиперреальности. В жизни, в которой нет ни грана правды, честным остаётся только взрывное устройство. И - кровь человека на грязном снегу. И ещё - тот, кому обещали буржуазное счастье, но не донесли (потому что забыли внести в список достойных счастья) - он приходит в молитвенный экстаз от соприкосновения с самым живым, что осталось в этой не-реальности – Смертью. Силой, над которой не властны никакие деньги, никакие обманки, никакие политтехнологии.

И если по стране прокатится волна голодных / холодных бунтов – что будут делать социальные фантомы с их политтехнологиями? А если бунты начнутся в армии, где отчаяние отчаяния сменилось уже отчаянием презрения?

Гиперреальность поддерживается многими лукавыми инструментами, не исключая и «специальную» социологию, функция которой – подгонять алгоритм решения задачи под заранее известный ответ. Но любой контакт на границе реального и гиперреального может обернуться для последнего гибелью в неподдельных объятиях первого. Простой пример из самого свежего прошлого: СПС и Ко заказывали «специальные» социологические исследования, дабы убедить себя, что народ не хочет передела собственности, а Ходорковский по популярности приближается к Путину. Кончилось дело – 3.97% голосов на выборах. Будет ли понят ли этот простой, как трижды восемь, урок?

Важнейший вопрос президентской повестки дня – вернуться из гиперреальности в российское настоящее. Отказаться от ставки на господство политтехнологий, на фиктивные политические конструкции. Перейти от конструирования виртуальной реальности к мониторингу реальной действительности и стратегически осмысленному взаимодействию с нею.

Нет необходимости поддерживать нежизнеспособные квазиполитические умышленные структуры, весь ресурс которых ограничен благоволением богатого / знатного покровителя. Важно выявить подлинные, набирающие силу тенденции, а также силы и лидеров, способных представлять и олицетворять эти тенденции. И перейти в режим постоянного диалога с подобными силами / лидерами.

Президент не должен бояться не подконтрольных ему напрямую политических сил. Исторически природа верховной (в данном случае – президентской) власти в России такова, что глава государства как общенациональный лидер всегда стоит над партиями. Ибо источник его власти носит трансцендентный характер. И любая партия, наделенная внятной последовательной идеологией, так или иначе будет готова к конструктивному разговору с Кремлём как надполитическим воплощением государственности. (Не надо забывать, что в России «государство» и «государь» - не просто однокоренные слова, но почти синонимы; что патримониальная модель власти никуда не исчезла и едва ли когда-нибудь исчезнет). Но какую-либо устойчивую политическую систему можно строить только на базе трагически подлинных и самочинно растущих, а не наспех скроенных и обречённых смерти политических организаций.

Путинская реформация невозможна без радикальной смены общественно-политического языка. Необходимо отказаться от навязчивых бессодержательных штампов ельцинской эпохи. Обновление языка должно происходить параллельно процессу смены элит.

Фактически, Путину на протяжении Второго Срока – больше того, в самом его начале – предстоит выступить издателем нового русско-русского словаря. Толкового словаря реальной реальности. И – изготовить гранитные закладки для каждой страницы.

Нельзя не выделить и еще одну базовую проблему. Язык 90-х стал неотъемлемой частью медиа-среды, на которой во многом и держится гиперреальность. С одной стороны – это классическая проблема информационного общества. Но с другой – плод сознательных, жёстких, последовательных усилий элиты девяностых по созданию информационной инфраструктуры Внешнего Управления. Используя могущественную медиа-паутину, язык-управитель гиперреальности будет судорожно цепляться за жизнь, за культуру колониального проекта девяностых годов.

Потому важная задача второго срока – демократизация медиа-среды. Носители старого языка должны утратить монополию на информационную власть. Для этого потребуется качественное расширение медиа-сознания, подразумевающее и создание новых средств массовой информации.

Спешу успокоить моих ревностных оппонентов: демократизация медиа-среды никоим образом не должна предполагать наступление на существующие СМИ. Демократизация есть диверсификация, а не унификация, открытие новых ниш, а не закупоривание старых. Но поскольку нынешняя элита по определению не будет совершать инвестиций в обновление медиа-пространства, это тяжкое бремя придется взять на себя государству. Первичные ресурсы для расширения медиа-сознания в стране есть. Надо лишь сконцентрировать их и преобразовать в энергию действия.

Еще один важный фрагмент повестки дня – возрождение полноценной интеллектуальной, научной, литературной среды. Медиа-общество должно утратить эксклюзивный статус учителя нации. Необходимо создать альтернативные каналы коммуникации между новой элитой и народом. В противном случае другой разговор лидера с нацией невозможен и в принципе невообразим.

Кризис судьбы. Преодоление одиночества

Нации формируются и живут лишь постольку, поскольку воплощают в себе некое стремление осуществить
общую программу грядущего.
Хосе Ортега-и-Гассет

Плоть России есть та хозяйственно-политическая ткань, вне которой нет бытия народного, нет и русской
культуры. Плоть России есть государство русское.
Георгий Федотов

Девяностые годы сказались весьма негативным образом на психическом состоянии русского человека – и
русского народа в целом.

Режим Внешнего Управления во имя собственной стабильности потребовал расправы над потенциальными
источниками энергии возмущения - российской историей и российской традицией. Для ускоренного
прививания американских ценностей необходимо было осуществить зачистку территории. Элита девяностых
приступила к зачистке с рвением, достойным свирепых погубителей чеченского народа генералов Шаманова и
Трошева. Одним из инструментов зачистки стало обнуление истории.

Элита девяностых годов объявила народу, что на протяжении тысячи лет страна наша была лишь
провинциальным недоразумением мира сего. Нерадивым школяром, извечно не желавшим учиться у мудрых
старших. Вся история России до 1991 года вдруг обернулась бессодержательным и тягостным, кровавым и
мерзостным ожиданием истинных дней блаженства – последнего десятилетия XX века, когда нам суждено
было, наконец, воплотить единственно возможную, скромную, но благодарную историческую миссию, - стать
обслуживающим персоналом в одной из забытых Богом восточных провинций Pax Americana.

Российский народ изобразили слабоумным младенцем, доставленным с помойки в уютный интернат имени
Бенджамена Франклина и получающим первые уроки словоговения. (Касательно детских проявлений в
народе нашем соглашусь с теми, кто считает, что они есть синдром не младенческий, но, скорее, старческий).
Поставлены были под сомнение не только старинные имперские подвиги и, например, победа во II мировой
войне (Внешний Управляющий развёрнуто объяснил России, что Советский Союз впору считать проигравшей
стороной). Но и культурные ценности / образцы. Пушкин и Достоевский, Гоголь и Толстой в одночасье
превратились в крепостных декламаторов на посольских приемах. Вся русская литература, философия,
музыка и наука – в мёртвые элементы дизайна олигархических столовых и гостиных.

(Интересно отметить, к слову, чем отличается олигарх начала девяностых от своего преемника из второй половины десятилетия. У крупного российского бизнесмена первой волны по дому разбросаны сотни книг - большей частью, редких, ценных и антикварных, - которые он, разумеется, никогда не открывает. Ибо читать ему некогда, да и незачем. Книги нужны, чтобы поражать воображение высокопоставленных гостей. Олигарх же второго поколения вообще книг в доме не держит – для поддержания благолепия достаточно и пластмассовых муляжей корешков на стенах. Которые на известном расстоянии, впрочем, почти не отличимы от настоящих книг. А всё потому, что молодой олигарх, в отличие от старого, уже отвык от Книги как фактора жизни, зато привык к высоким гостям, признающим только симуляцию – и ничего, кроме симуляции. Многие сверхкрупные российские бизнесмены, насколько мне известно, страдают дислексией и дисграфией – клинически не в состоянии ни читать, ни писать. Любые тексты они воспринимают исключительно на слух, а излагать свои идеи могут только устно. Благо, для написания трактатов и изложения проектов у них есть донельзя разветвлённый аппарат).

Тогда же, в начале девяностых, неформальным Декретом о Новом Мире были упразднены религиозные основы русского бытия. На смену традиционному православно-языческому двоеверию пришёл постпротестантский языческий культ Денег. Субстанция, которая дотоле не слишком почиталась в России даже завзятыми богатеями и капиталистами, была приравнена к Творцу и Абсолютному Духу. А также провозглашена Абсолютным Эквивалентом Плоти (АЭП). Русскому народу объяснили, что Деньги отныне – источник Закона, а кроме того, Они, как древнее суровое божество, требуют регулярных жертвоприношений. Преимущественно, человеческих.

Далее Внешний Управляющий решил быстро упразднить всё традиционное во взаимоотношениях между русским человеком и государством. Государство Российское, дотоле священное, как Высшая Сила, мудрое, надёжное и строгое, как отец, заботливое и всепонимающее, как мать, было объявлено лишним колесом в нашей провинциальной телеге. Государственная власть, которая в российской истории эксклюзивно легитимировала всё и вся, даже врагов своих – вспомним хотя бы Лжедмитриев и Емельяна Пугачёва, пользовавшихся народной поддержкой до тех пор, пока их царственное происхождение казалось убедительным, – было приравнено к поддому слесарю-водопроводчику из ЖЭКа. Логика ВУ понятна: развенчать государство значило свести к минимуму шансы на его возрождение в рамках какой-нибудь не выгодной Комитету Кредиторов концепции. Но каково же было русскому дитяте узнать, что Родители в одночасье исчезли, а на кухне и в детской заправляет звёзднополосатая домомучительница, предлагающая вместо любимых игрушек каких-то Барби и Кена?!

Следующим шагом Внешний Управляющий приступил к вытравливанию всяческого русского запредельного, всякого эсхатологического. Человеку, который умеет быть святым, но не умеет быть честным (тезис Константина Леонтьева, развитый Николаем Бердяевым), растолковали логику превращения в безразличное хайдеггеровское *das Man* - неопределённое существо среднего рода, сконцентрированное лишь на «прозябании повседневности» и находящее в том свой главный смысл. Питомцу русской цивилизации внушили, что он должен влиться в некий средний класс - не в экономическом смысле, конечно, ибо доходов на уровне западного среднего класса никто не обещал, - но в социокультурном плане. Среднее здесь понимается не как гармоническая добродетель, но как апофеоз «смесительного упрощения» (Леонтьев). Программа жизни людей такого среднего класса состоит в том, чтобы вовремя занимать очередь в кассу «Пиццы-Хат», наслаждаться сериалами про Евлампия Романову и видеть венец мировой культуры в тандеме Петросян-Степаненко. Начинать день со стирального порошка Tide и заканчивать – на новейшей противохраповой подушке, изготовленной по американской лицензии в лесах Камбоджи. Русскому среднему классу, скроенному по лекалам Внешнего Управляющего, должно быть абсолютно наплевать на всё, что и было русским все предшествующие столетия. Его типовой представитель спокойно и даже с примирительным энтузиазмом прореагирует на любую затею типа «откроем в Большом театре казино» или «превратим Зимний дворец в элитный жилой комплекс». А чего не открыть – если театры с музеями бюджетное (то есть наше) бабло жрут, а экономического толку от них никакого?! Лаборатория, в которой элита девяностых выводит постсоветских особей среднего класса, воистину достойна пера классика антиутопии, - там действительно создаётся беспочвенная, лишённая духовного строя и человеческих (в традиционном понимании этого слова) ценностей порода людей. Щенков этой породы уже можно показывать на вселенских индустриальных выставках – они вполне годятся для выполнения не слишком сложных работ.

Затем Внешний Управляющий обстрелял из суперсовременной ракеты класса «земля-земля» русскую коммунитарность. Положительным героем славного времени моментально стал отрицательный персонаж «Преступления и наказания» Пётр Петрович Лужин, объяснявший Р. Р. Раскольникову преимущества принципа «возлюби прежде всех одного себя» (ибо всё на свете на личном интересе основано). Упразднена была солидарность как ценность национального бытия. Всей мощью медиа-продуктов системы «За стеклом»,

«Слабое звено» и т.п. погружённому в гиперреальность недорогому россиянину начали растолковывать, как плоха солидарность и как полезно звериное выживание в одиночку. С точки зрения интересов Комитета Кредиторов, здесь Внешний Управляющий действовал исключительно верно: ведь русская коммунитарность, кроме всего прочего, в своё время заставила наших людей выйти на спасение Ельцина от ГКЧП; вернуться же в эпоху, когда политика делается публичными лидерами из живого красного мяса больших площадей, элите девяностых очень и очень не хочется. (Есть основания полагать, что оккупация Манежной площади игровыми автоматами, бутиками имени У. А. Джабраилова и медведями работы З. К. Церетели была осуществлена с подспудной целью вытоптать место сбора стотысячных толп).

Наконец, Внешний Управляющий немало постарался, чтобы потенциальный пастырь нации - Русская Православная Церковь - заняла достойное место в смысловом ряду «водка – балалайка – матрёшка - шапка-ушанка – «Калинка-малинка» - Chelsea». (Нельзя не сказать, что многие официальные и неофициальные представители РПЦ своей неканонической деятельностью очень помогли в этом деле номинальным оппонентам). Столкнуться с новым Гермогеном или Тихоном во главе Церкви элита девяностых совсем не стремилась. Потому что Гермоген / Тихон могли бы очень серьезно помешать превращению России в третьеразрядную американскую колонию (заморскую территорию).

Итак, на протяжении очень короткого исторического отрезка (каких-нибудь 12 лет, что даже в нашу технотронную эру имени Збигнева Бжезинского совсем немного) российский народ понял, что все его святыни не стоят выеденного яйца, всё, чему его учили много столетий подряд – полная и к тому же злокозненная ерунда, и нет у него теперь ни истории, ни Бога, ни Царя, ни Отечества. Вполне естественно, что этот конституционно-ментальный переворот привёл к жесточайшему кризису идентификации: дорогой россиянин принуждён был задать себе и окружающей бездне псевдолиберализма отчаянный вопрос из серии Земля, Земля, кто я? И не услышал ответа. Для России наступил тот самый, воспетый постмодернистской философией кризис судьбы. Теперь человек, вчера считавшийся русским (или советским, что не слишком-то отличимо от русского), ощутил себя совершенно и невыразимо одиноким на просторах Вселенной, планеты которой вращаются вокруг американской звезды – главного светила, расположенного, увы, за мириады световых лет от нашей утратившей прошлое и сдавшей в аренду будущее страны. Используя понятия юнгианского психоанализа, можно сказать, что гигантский разрыв между образом существования постсоветской России и русскими архетипами привёл к возникновению национального маниакально-депрессивного психоза – недуга, который, не ровен час, может довести до самоубийства.

Никакое национальное развитие с народом, переживающим кризис идентичности, невозможно. Этот кризис должен быть преодолен в рамках доктрины единой судьбы. (Голоса, которые получили на выборах-2003 «ЕдРо», ЛДПР и «Родина», были отданы не партийным лидерам и тем паче не их виртуальным структурам, но - надежде на возрождение общей судьбы). Механизм преодоления – реализация национального проекта, который позволит российской нации пройти стадию первичной идентификации.

Четыре источника и составные части национального проекта таковы:

- возрождение России как Империи – гаранта стабильности и покровителя (протектора) постсоветского пространства, а также представителей русской цивилизации / культуры на всём Земном шаре;
- возрождение Православия как ключевого политико-социального фактора бытия и развития нации;
- возрождение роли и статуса Верховной Власти (Государства Российского) как защитника и гаранта интересов российского народа;
- возрождение Российской Империи как геополитического субъекта, способного сыграть существенную роль в борьбе против глобального господства антихристианских сил (подробнее об этом - ниже).

Национальный проект как система действий по формированию российской нации как стержня Империи не может не быть мессианским. Иначе это будет не российский, а какой-то совсем другой проект. Но другой проект – американский – у нас уже есть, и нет смысла огород городить, чтобы сконструировать новую версию машины национального разрушения. Мессианскими был и русский коммунизм, и русский антикоммунизм – герои баррикад у Белого Дома (Краснопресненская набережная, д. 2, не путать с одноимённым объектом в городе Вашингтоне, округ Колумбия) считали себя не участниками «колбасного путча», но избавителями человечества от «красной чумы». Не меньше. Организаторами восстания во имя торжества развитого Сникерса их сделали задним числом и без спросу.

Классический аргумент элиты девяностых: национальным проектом должны стать мелкобытовые радости,

замешанные на принципах типа «не ссы в подъезде» и «сделай себе хорошо» (что-то подобное разрабатывалось ельцинскими мыслителями на сталинско-брежневских дачах в середине девяностых, но потом, по окончании утлого финансирования, сдохло). А всё остальное, религиозное и мессианское, - опасная утопия, и больше ничего.

Простой ответ моим оппонентам состоит, конечно же, в том, что Россия всегда была страной реализованных утопий, и чем радикальнее казалась утопия, тем больше шансов было на её воплощение на русской почве. Так было во все времена — от св. князя Владимира до Бориса Ельцина (не сегодняшние ли скептики и их духовные отцы в середине девяностых твёрдо настаивали, что СССР и советский строй вечны и возможен лишь их косметический, но никак не капитальный ремонт?!). Но дело гораздо сложнее: идеал буржуазного благополучия не доказал своей жизнеспособности нигде в мире. Ибо этот идеал, отрицающий глубинную религиозную природу человека, ни при каких обстоятельствах не в состоянии мобилизовать, тем паче — взять под контроль грозные силы, которые всегда делают историю. Все прекрасные эпохи, начинавшиеся под либеральные фанфары и гимнические песнопения на тему «Наконец-то на смену идеологиям и борьбе пришли прогресс и бизнес-ланч», заканчивались расцветом концлагерей и затяжными кровопролитными войнами. Хочу подарить теоретикам русской спасительной Кока-Колы несколько цитат из Джорджа Орвелла, автора «1984», писателя и мыслителя, которого трудно заподозрить в симпатиях к тоталитаризму или ангажированности «питерскими силовиками»:

... я вспомнил, как однажды жестоко обошелся с осой. Она ела джем с блюдечка, а я ножом разрубил ее пополам. Не обратив на это внимания, она продолжала пировать, и сладкая струйка сочилась из ее рассеченного брюшка. Но вот она собралась взлететь, и только тут ей стал понятен весь ужас ее положения. То же самое происходит с современным человеком. Ему отсекали душу, а он долго - пожалуй, лет двадцать - этого просто не замечал.

...нельзя жить, полагаясь исключительно на могущество машин и на экономику. Сами по себе они только помогают воцариться кошмару, в котором мы принуждены существовать, — этим бесконечным войнам и бесконечным лишениям из-за войн, и колючей проволоке, за которой оказались народы, обреченные на рабский труд, и лагерным баракам, куда гонят толпы исходящих криком женщин, и подвалам, где палачи расстреливают выстрелами в затылок, не слышными через обитые пробкой стены. Ампутация души — это, надо полагать, не просто хирургическая операция вроде удаления аппендикса. Такие раны имеют свойство гноиться.

... альтернатива — столько раз осмеянное ... общество, в котором люди, памятуя, что они смертны, стремятся относиться друг к другу как братья.

Значит, у них должен быть общий отец. И поэтому часто говорят, что ощущения братства у людей не будет, пока их не сплотит вера в Бога. На это можно ответить, что большинство из них полусознанно уже прониклись таким ощущением. Человек — не особь, он лишь клеточка вечносущего организма, и смутно он это осознает. Иначе не объяснить, отчего человек готов погибнуть в бою. Нелепо утверждать, что он так поступает исключительно по принуждению. Если бы принуждать приходилось целые армии, невозможной сделалась бы любая война. Люди погибают, сражаясь из-за абстракций, именуемых честью, долгом, патриотизмом и т. д., — разумеется, не в охотку, но, во всяком случае, по собственному выбору.

Означает это лишь одно: они отдают себе отчет в существовании какой-то живой связи, которая важнее, нежели они сами, и простирается как в будущее, так и в прошлое, давая им чувство бессмертия, коль скоро они ее ощутили. «Погибших нет, коль Англия жива» — звучит высокопарной болтовней, но замените слово «Англия» любым другим по вашему предпочтению, и вы убедитесь, что тут схвачен один из главных стимулов человеческого поведения. Люди жертвуют жизнью во имя тех или иных сообществ — ради нации, народа, единоверцев, класса — и постигают, что перестали быть личностями, лишь в тот самый момент, как засвистят пули.

(«Мысли в пути», 1940)

Он также постиг лживость гедонистического отношения к жизни. Со времен последней войны почти все западные интеллектуалы и, конечно, все «прогрессивные» основывались на молчаливом признании того, что люди только об одном и мечтают — жить спокойно, безопасно и не знать боли. При таком взгляде на жизнь нет места, например, для патриотизма и военных доблестей. Социалист огорчается, застав своих детей за игрой в солдатики, но он никогда не сможет придумать, чем же заменить оловянных солдатиков; оловянные пацифисты явно не подойдут ... людям нужны не только комфорт, безопасность, короткий рабочий день, гигиена, контроль рождаемости и вообще здравый смысл; они также хотят борьбы и самопожертвования, не

говоря уже о барабанах, флагах и парадных изъятиях преданности.

(Рецензия на «Майн Кампф» Адольфа Гитлера, 1940)

... прежде чем заводить речь о переустройстве жизни, даже просто о мире ... потребуется пробуждение энергии, которая не обязательно будет столь же слепой, как у нацистов, однако не исключено, что она окажется столь же неприемлемой для «просвещенных» гедонистов. Что позволило Англии устоять в последний год? Отчасти, бесспорно, некое смутное представление о лучшем будущем, но прежде всего атавистическое чувство патриотизма, врожденное у тех, чей родной язык английский, — ощущение, что они превосходят всех остальных. Двадцать предвоенных лет главная цель английских левых интеллигентов состояла в том, чтобы подавить это ощущение, и, если бы им удалось добиться своего, мы бы уже видели сейчас эсэсовские патрули на улицах Лондона. А отчего русские с такой яростью сопротивляются немецкому вторжению? Отчасти, видимо, их одушевляет еще не до конца забытый идеал социалистической утопии, но прежде всего — необходимость защитить Святую Русь («священную землю отечества» и т. п.), о которой теперь вспомнил и говорит почти этими именно словами Сталин. Энергия, действительно делающая мир тем, что он есть, порождается чувствами — национальной гордостью, преклонением перед вождем, религиозной верой, воинственным пылом, словом, эмоциями, от которых либерально настроенные интеллигенты отмахиваются бездумно, как от пережитка, искоренив этот пережиток в самих себе настолько, что ими утрачена всякая способность к действию.

(«Уэллс, Гитлер и Всемирное государство», 1941)

Замечу, это было написано Орвеллом в трагические годы, когда решался вопрос, быть или не быть Гитлеру властелином Евразии. Евразия, к счастью, сделала правильный выбор — иначе многие нынешние адепты вальняжной буржуазности заседали бы отнюдь не на дачах в Волынском.

Мы должны признать, что Империя — императив для России (в целях дальнейшей экономии слов назовём его империативом). Если Россия не Империя — то нет России. Империя — понятие, в первую очередь, цивилизационно-культурное, а не административное или военное. Россия формировалась путём расширения и диффузии — никакой «естественной территории» у нашей страны нет (по Александру Герцену, изначальная «благоприобретённая» Русь — не более чем часть Новгородского и Белозерского уездов). Потеряв талант и склонность к перманентному расширению, — не географическому только, но культурному, языковому, — она схлопнется, как продырявленный воздушный шарик. Империя для России — не инструмент достижения корыстных целей, но долг и способ существования. По сути, правы те, кто (как Александр Солженицын) говорит об имперском бремени, о том, что империатив дорого, иногда — слишком дорого обходится России. Но с таким же успехом можно говорить о том, сколь накладно заводить детей. Да, накладно. Тем не менее, люди рожают и рожают детей, и, как правило, вовсе не затем, чтобы оптимизировать семейные финансы — а движимые инстинктом, призванием, силой, стоящей вне утилитарного. Как дети — продолжение человеческого рода, так Империя — единственно возможное продолжение для России.

Отказ от империатива на границе 80-х-90-х годов прошлого века и стал основной причиной развития центробежных тенденций в стране. Союзные республики устремились в объятия США в тот день и час, когда поняли: российского имперского, сверхдержавного проекта больше не существует. А становиться провинциями провинции им не захотелось. Здесь мы обнаруживаем не российско-советскую специфику, но общемировое правило: кризис национального проектирования всегда стимулирует сепаратизм, стремление сильных и внутренне самодостаточных покинуть корабль, движущийся в никуда, и пересечь в маленькую, но юркую и свободную шлюпку. Пример — баскский сепаратизм, подлинные истоки которого блестяще проанализировал Хосе Ортега-и-Гассет в «Бесхребетной Испании» (вправе ли мы сегодня говорить о «бесхребетной России»? — да, вправе).

Отмена от имперского проекта и породила, по большому счёту, проблему Чечни. Если верить Ахмеду Закаеву, с которым автору этих заметок приходилось обсуждать настоящие причины чеченского кризиса, начало обособлению Грозного от Москвы положил распад СССР — потому что становиться заложниками России как страны третьего мира чеченцам было противно. Не здесь ли — ответ на вопрос о стратегии чеченского урегулирования?

Адепты американского проекта должны понять, что альтернативой Империи явится отнюдь не братство средних людей в Биг-Маке, а разгул местечковой ксенофобии и шовинизма, безнадёжно уездной «России для русских». Потому что только Империя с её всеохватностью и энергетикой гетерозиса, склонности к гибридизации кровей и идей, может эффективно противостоять национальному замыканию в себе, самоизоляции и провинциализации. Тем временем провинциально-ксенофобская доктрина уже вовсю

прорывается на российскую политическую поверхность: достаточно вспомнить скандальный эпизод с косой (островом) Тузла, который (как и следовало ожидать) принёс России очередного мелкое поражение, и при этом увеличил на 25% (! – данные Украинского института социальных исследований, декабрь 2003) число граждан Украины, негативно относящихся к российскому Старшему Брату. Следовательно, ослабил позиции той части украинской элиты, которая стратегически ориентирована на Москву.

Важно понимать, что нация – отнюдь не синоним национальности. Новая российская нация этнически будет сплавом великорусской и еще десятков национальностей, привыкших обитать под сенью Империи. Империя – это не фильтрация людей по крови, но, напротив, способ разорвать колючую проволоку, опоясывающую национальные гетто. Только в такой Империи эфиоп становится Пушкиным, украинец – Гоголем, литовец – Достоевским, немка – Екатериной II, грузин – Сталиным, еврей – Троцким, и все они вместе – героями русской истории.

Дешевой колбасы для всех у элиты девяностых не получилось. У новой элиты, становление которой ещё впереди, – должна получиться практическая утопия. Преодоление одиночества российского человека и всего российского народа – ключевой вопрос властной повестки дня. Ради спасения от одиночества российский человек готов на многое, если не на всё – и он, движимый необоримым велением автохтонного инстинкта, пойдёт за любой силой, которая предложит ему понятный выход из кризиса судьбы. Очень важно, чтобы такой силой оказалась именно российская власть.

Восстание мира. Большая и малая миссии

Хлеба и зрелищ! – кричали римские толпы.

Хлеба и веры! - ... будут скоро кричать все народы Европы.

Счастлив и могуч будет в такие времена тот народ, у которого вера и привычка к повиновению будут сильнее, чем у других.

Константин Леонтьев

Посмотрим теперь на развитие международной ситуации.

В 90-е годы XX века казалось, что однополярный (американоцентричный) мир в среднесрочной перспективе прочен и непоколебим. На рубеже столетий стало понятно, что это отнюдь не так.

Первым, кто это осознал, были сами США. Экспансия американских ценностей захлебнулась. _ человечества дали понять, что не собираются жить под флагом победившего чизбургера, – американизация последних десятилетий затронула материю и стиль, но не глубинные основы бытия наций. Чёрная дыра Китая, не поморщившись, проглотила и переварила эскадрилью американских цивилизационно-культурных звездолётов, как прежде – всех других завоевателей (монголов, маньчжуров, японцев). На Востоке начал расти второй полюс мира.

Тут ещё, как на беду, стала слабеть и американская нация. Гибель советской Империи Зла сыграла с ней злую шутку. Гедонистические клинтонианские годы донельзя расслабили сверхдержаву. Америка стала слишком изнеженной, слишком открытой, чересчур привыкла к неосновательному, не подтверждённому дымными полями сражений обогащению. Героика страны-спасителя человечества растворилась в сладком сиропе всепроникающей политкорректности.

В такой ситуации 11 сентября 2001 года стало неизбежным. Необходимо было взбодрить нацию, напомнить ей об Американской Миссии / Американском Призвании, равно как и о том, что белые булки с неба не падают прямо в рот – сверхдержавное право можно обрести лишь в постоянной борьбе со Злом. Нашлось сразу же и новое вселенское Зло – Терроризм. Американская элита поняла, что ресурс мягкого обволакивания Земного шара цивилизационными путями исчерпан – необходима прямая военная экспансия. Самолёты бен Ладена, старого агента ЦРУ, оказались в нужное время и в нужном месте. (Намедни не кто-нибудь, а сам Пол О'Нил, бывший глава американского Минфина, признал, что проектирование иракской операции началось сразу же после прихода Дж. Буша-младшего к власти, задолго до 9/11).

Сегодня Соединённые Штаты несут миру уже не просто Кока-Колу и Мэрилин Монро – новую религию. И религия эта – отнюдь не христианство. Это - учение о растворении человека во всемогущей техносфере, председателем верховного совета которой и является новый бог – антропоморфное существо с американским паспортом, бесконечно высоким IQ и знанием секретных Кодов Доступа. В техносфере – все начала и конца, в ней нет ничего потенциального, всё – актуально. Она назначает и снимает с должности бога и всех подручных его. Новую религию Америки (назовём ее Религией Матрицы) можно считать и своего рода результатом

радикальной модернизации протестантизма, приведшей в конце концов, как и следовало ожидать, к развенчанию Единого Бога (вспомним пастора Бонхёфера: Бог как моральная, политическая, естественнонаучная гипотеза отменён, преодолен). Лишь одно роднит религию Матрицы с иудаизмом: новая вера дана избранному народу – американскому; техносфера существует для всех представителей биологического вида *homo sapiens*, но не постижимая обычным разумом начинка её – *made in USA*. *Deus ex Matrix* перманентно порождает зло, чтобы неизменно бороться с ним – таково его загадочное свойство. Стоило Джорджу Бушу-младшему (очевидно, одному из наиболее высокопоставленных лиц в американской иерократии) столкнуться с нелюбезным приемом в Лондоне (ноябрь 2003), как террористы взорвали в Стамбуле именно британское консульство и офисы британских компаний. Рука US-бога не промахнулась. Матрица напомнила англичанам: не надо критиковать антитеррористическую коалицию, потому что вы в любой момент можете стать жертвой теракта. Когда это понадобится для оправдания очередного этапа Интервенции Добра. Нельзя не отметить, что техносфера и её безличный и. о. бога превратили террористический акт в бессубъектное деяние: типовые «Аль Каеды», берущие на себя ответственность за любые проявления Зла, более не воспринимаются как реальные группы товарищей. Теракт случился – значит, так было угодно техносфере. Убедительных же для слабого человеческого сознания ответов на вопросы «почему?» и «кто на самом деле взорвал?» отныне не существует.

Впрочем, и Интервенция Добра уже захлёбывается. Афганистан и Ирак, да и Сербия, где только что победили на выборах жертвы Гаагского трибунала, – тому живые примеры. Религиозное и цивилизационное сопротивление оказываются мощнее военного натиска. Для дальнейшего утверждения своей новой религии Соединённым Штатам придётся перманентно наращивать давление и площадь поверхности войны. (Не случайно в конце 2003 года Вашингтон яростно вспомнил про необходимость напрямую управлять постсоветским пространством и поддержал перевороты в Грузии и Литве. А в январе 2004 – анонсировал программу колонизации Луны и Марса стоимостью в триллион долларов). И здесь сверхдержава сталкивается со стремительно растущим дефицитом ресурсов. В первую очередь – того главного неизреченного ресурса, который, вопреки всему земному, обеспечил когда-то очень давно спасение еврейского народа и торжество Христианства. Ресурса априорной легитимности вероучения.

Нам всю эту бучу с лёгкой восточной иронией смотрит премудрый Китай. Поднебесная уже почти готова к глобальному перевороту, к прорыву конфуцианства, подкрепленного даосизмом, легизмом и коммунизмом, на мировые просторы. Просто час X пока не пробил. Китай ещё немного подождёт Америку, вся миссия которой, с точки зрения восточных властителей, состоит в том, чтобы дать Поднебесной повод перейти в новое качество. Понятен и шаг, которым Китай обозначит своё превращение в сверхдержаву – захват малонаселённой, плохо охраняемой и богатой природными ресурсами азиатской части России. Что бы ни говорили галантные поклонники вечной стабильности, любители прекрасных эпох, такой сценарий вполне осуществим хотя бы потому, что он уже реализуется – последовательно и неуклонно. Просто китайцы, в отличие от русских, планируют на многие годы вперёд и культивируют в настоящем будущее, а не фантомы и обманки. Захват Сибири и нашего Дальнего Востока станет возможен тогда и только тогда, когда: 1) КНР будет восприниматься значительной частью земных народов как защитник от обезумевшей американской машины – и значит, позиционируется как легитимный агрессор; 2) китайское население восточных регионов нынешней РФ сравняется по численности с докитайским. И то, и другое может случиться между 2007 и 2010 годами.

Итак, во чреве мира зарождается мощное антихристианское (шире – антимонотеистическое) восстание. Земля авраамической традиции оказывается зажатой меж американо-китайских жерновов. Какова же здесь роль России? Есть ли у неё шанс выжить и выстоять?

Бесспорно, есть. Но лишь при условии, что в международной политике мы тоже вернёмся из виртуального в реальное и прекратим попытки экспорта русской гиперреальности – откажемся от привычки к псевдодействиям, которые мир не воспринимает всерьёз в силу их изначальной неискренности и стратегической бессмысленности. (Сначала обещаем отвоёвывать Крым и бомбить Панкисское ущелье – потом бросаем на произвол судьбы верных сторонников в Украине и не делаем ничего, чтобы предотвратить переворот в Грузии. Бушуем по поводу транзитных виз для калининградских жителей и никак не воздействуем на развитие политического кризиса в Литве. Предаём Приднестровье и носим на руках президента Молдовы Воронина, отлично понимая, что ни одно наше важное условие им принято и выполнено не будет. И так далее.).

Для понимания пути выживания необходимы два действия, которые следует признать приоритетными для Второго Срока:

1. осознание миссии России в мире (что, в свою очередь, невозможно без обсуждавшегося нами

восстановления национально-государственной субъектности);

2. инвентаризация национальных ресурсов.

Большая миссия России в постновейшей истории ясна из глобального контекста: организация христианско-исламского сопротивления антиавраамическому путчу.

В пределах большой миссии просматривается и другая, малая: Россия – хранитель стабильности постсоветского пространства. И, как бы странно это ни звучало, гарант национальной независимости стран бывшего СССР. Сегодня мы видим вполне отчётливо, что, променяв старшего партнёра – Россию на прямое подчинение американской сверхдержаве, постсоветские государства стремительно превращаются в банальные колонии США. Можно предполагать и даже утверждать: чем дальше, тем меньше Вашингтон будет считаться с суверенными правами и жизненными интересами наций, складированных у него в заднем брючном кармане. (Прокладка нефтепровода через заповедную долину Боржоми в Грузии – один из сотни наличных примеров колониального цинизма). Мы имеем дело с зеркальным отражением ситуации 1985-91 гг.: те страны, что захотят сохранить свою субъектность и удержать независимость, будут испытывать острую потребность в альтернативной Соединённым Штатам геополитической опоре. Кроме России, кандидатов на эту роль пока нет – и до захвата Сибири Китаем не предвидится. Это значит, что те пласты элит в бывших союзных республиках, которые захотят отстоять национальную самость и целостность, логично изберут пророссийскую ориентацию. И уже сегодня эти пласты должны получить от России неброскую, неконъюнктурную, зато вполне ощутимую поддержку.

Перейдем теперь к инвентаризации. Её объект состоит из четырёх типов ресурсов:

1. ресурсы национального духа и воли;
2. институциональные ресурсы;
3. интеллектуальные ресурсы;
4. материальные ресурсы.

Все эти ресурсы, заключённые в оболочке России, могут быть востребованы нашими вероятными партнёрами - теми, кто не хочет полного раздела мира между США и Китаем. В первую голову:

- Старой Европой (странами – основателями ЕС) и Ватиканом;
- исламским миром (с оговоркой про его неизбывную неоднородность);
- бывшим «третьим миром» (частью Латинской Америки и Юго-Восточной Азии), где в последние годы мы наблюдаем расцвет католицизма.

Для названных субъектов мировой политики христианская Россия, по-прежнему занимающая территорию (пусть и обглоданную) между Балтикой и Тихим океаном – необходимый соратник. Без России им будет значительно труднее устоять. И потому они могут согласиться с особой нашей ролью на просторе Российской Советской Империи. К потенциальным стратегическим союзникам надо отнести и некоторые страны, лежащие за пределами иудеохристианского мира, - например, Индию, для которой смертельно опасно дальнейшее, переходящее черту регионального динамического равновесия усиление Китая.

Гарантами же того, что Россия окажется готова к реализации миссии, могут быть только её внутренние институты. В первую очередь, Церковь и армия.

Важнейший вопрос Второго Срока – качественное повышение политико-социальной роли Русской Православной Церкви как несущей конструкции национальной мобилизации. РПЦ (а не партии или иные политические структуры) должна стать стратегическим партнёром главы государства - национального лидера. Обретение церковью новой роли невозможно без мощной инъекции властной воли и государственных возможностей. И разумеется, на протяжении Второго Срока не удастся избежать постановки вопроса о существенной модернизации церковной элиты. Важно и ещё одно обстоятельство: учитывая роль Ватикана в мировом раскладе, России, а значит, и РПЦ в среднесрочной перспективе придётся пойти на дружбу и альянс со Святым Престолом. И только в рамках этого альянса можно будет решить проблему католического прозелитизма на территории, вверенной попечению Православной Церкви.

Армия была и остаётся одной из главных головных болей Внешнего Управляющего – потому что реальные

Вооружённые силы гетерономному государству просто не нужны. Однако разогнать Советскую армию в одночасье ВУ не мог – такой проект казался слишком рискованным и затратным. Поэтому был взят курс на медленное, мучительное убиение, в основе которого – полная дискредитация человека в погонах, уничтожение представлений о том, что служить Родине – сладостно и почётно. Провозглашённый элитой 90-х переход к комплектованию армии исключительно на контрактной основе означал нарочитое желание поставить точку в российской военной истории.

Потому один из базовых вопросов Второго Срока – создание новой армии. Требуется не гальванизация трупа, который уже разлагается и смердит, но формирование национальных Вооружённых сил. Опирающихся на военную традицию и новую военную доктрину, адекватную большой и малой миссиям России в постновейшей истории.

Здесь важно не только найти деньги, которые будут инвестированы в проект новой армии. (Эти инвестиции, замечу, должны подразумевать масштабный внутренний оборонный заказ, который даст новый стратегический импульс нашему ВПК, а значит, и фундаментальной науке, и образованию). Необходимо определить статус Вооружённых сил как опоры нации и общества. Создать, если угодно, культ армии. Частичный переход к добровольческой армии, вероятно, неизбежен. Но те, кто отказываются служить, должны терять в социальном статусе и общественном уважении – например, через механизм запрета гражданам, не прошедшим армию, занимать определённые государственные должности. В таком случае представления об армии и её внутренний дух – будут совершенно иными.

Хочу особо отметить, что концепция большой и малой миссий отнюдь не подразумевает прямого конфликта с США. Некоторым читателям может показаться, что это утверждение противоречит всему сказанному выше. Попробую убедить читателя, что это не так. В современной ситуации Россия – не только тактически, но и даже стратегически – тоже нужна Америке. В качестве противовеса Китаю. Распад РФ многократно ускорил бы реализацию глобальных амбиций КНР. А значит, есть условия, на которых США и Россия могут договориться. Речь, разумеется, не идёт о «стратегическом партнёрстве» чёрта с младенцем, обсуждаемом взахлёб прекраснотелами теоретиками, а о реальных интересах, описание которых Россия должна: а) составить; б) предъявить Америке в лёгком – учтивом, но не заискивающем, - полупоклоне. США сегодня заинтересованы в ослаблении России – но лишь до определённого предела, за которым китайская экспансия становится несдерживаемой. (Олигарх Ходорковский, предлагая американцам осуществить ядерное разоружение России за \$150-160 млрд. и одновременно проектируя нефтепровод Ангарск-Дацин, не совсем понял, что такие откровенно прокитайские по сути своей шаги Вашингтону сейчас совсем не требуются. Потому-то глава ЮКОСа в решающий момент своего конфликта с Путиным и не получил осязаемой поддержки со стороны республиканской администрации).

Годы Второго Срока сулят немалые и нашим вероятным стратегическим партнёрам. Усугубится стимулируемый Вашингтоном конфликт между Старой Европой и неофитами Евросоюза – не исключено, что всего через пару лет нам придётся говорить о системном кризисе идеи и институтов паневропейской интеграции, а Соединённые Штаты Европы будут состоять из 6-7 государств. Обострятся внутренние противоречия и в исламском мире. Смена Верховного Понтифика может привести к пересмотру ряда положений доктрины, и, следовательно, - внешней политики Святого Престола. Всё это – вызовы для России, к которым мы должны быть готовы. Но вызовы – это и возможности на пути реализации большой и малой миссий. Исторические шансы, которыми мы можем научиться пользоваться.

Правда, времени до последнего звонка в нашей исторической школе осталось очень немного.

Страхи Владимира Путина

Мама, разбуди чёрным вечером, чтобы я ночь не проспал, - так, кажется, поётся в известной рок-балладе.

Ночь продолжается. Грустный русский рассвет никуда не спешит. Под утлым светом фонаря и звезды мы с нашим президентом раскладываем на газетке картошечку, селёдочку и лучок. Разливаем водочку – с пивом и без.

Режим, при котором мы живём, по-прежнему нестабилен. Между Путиным и народом – вакуум. Пространство, в котором нет ни элиты, ни институций, способных в случае чего защитить режим. И страну в целом.

Второй срок может оказаться последним. Или первым. Вы будете смеяться, но это зависит от одного единственного человека – Владимира Путина.

Страшно, Владимир Владимирович?

Автор: Артур Скальский © Комсомольская правда СТРАНА , РОССИЯ 👁 4164 03.10.2004, 07:40

URL: <https://babr24.com/?ADE=16251> Bytes: 83097 / 82917 [Версия для печати](#) [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)